

Коллектив авторов

Когнитивный подход. Научная монография / Ответственный редактор – академик РАН В.А. Лекторский. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. – 464 с.
ISBN 978-5-88373-152-4.

С.165–201

Максимов Леонид Владимирович

КОГНИТИВНЫЙ РЕДУКЦИОНИЗМ В НАУКАХ О ДУХЕ

1. Когнитивизм как сведение «духовного» к «познавательному»

Перефразируя известный афоризм Гете, можно сказать, что «дух не делится на знание без остатка»; другими словами, «ментальное» не сводится к «когнитивному», знание и познание составляют лишь часть (хотя и существенную) той специфической реальности, которая в разных философских и научных текстах обозначается словами и словосочетаниями «дух», «субъективность», «внутренний мир», «идеальное», «психика» и др. Некогнитивный «остаток» – это те ментальные феномены, которые либо вообще по природе своей не предназначены для репрезентирующей функции, т.е. *не являются* идеальными моделями существующих или воображаемых объектов, либо *не сводятся* к указанной функции. В первом случае речь идет о так называемых *аффективно-конативных* феноменах психики – переживаниях, побуждениях, стремлениях, волевых усилиях и пр.; во втором – о более сложных духовных образованиях: интересах, целях, планах, ценностных ориентациях и других реалиях, входящих в предметную область многих философских и научных дисциплин (философии сознания, аксиологии, этики, социальной психологии, социологии, лингвистики и др.). Разумеется, без всех этих психических феноменов немислима познавательная (как и любая другая) *деятельность*, однако это не означает, будто сами они, как таковые, принадлежат корпусу знания.

Сама идея о возможности концептуального членения духовной реальности на несводимые друг к другу когнитивную и некогнитивную составляющие достаточно тривиальна; в той или иной форме она не раз высказывалась в философии и психологии (со времен Аристотеля)¹ и вполне согласуется с обыденными представлениями о

¹ Можно вспомнить, например, аристотелевское (и позднее получившее развитие у Канта) разделение функций души на *теоретические* и *практические* и проведение разграничительной линии между *знанием* и *стремлением* (см.: Аристотель. Соч. в 4-х томах. М.: Мысль, 1976. Т.1. С.442); различение знаний и ценностей неокантианцами, М.Вебером и др. Подобный акцентированно-дуалистический подход к психике поддерживается многими крупными психологами. По словам Жана Пиаже, «во всяком без исключения поведении заложена ‚энергетика‘... представляющая его аффективный аспект»; когнитивный же аспект состоит в «структурировании отношения между средой и организмом». Именно на этом основании восприятие, понимание, рассуждение и т.д. «объединяются в когнитивной сфере поведения и противостоят явлениям аффективной сферы». «Аффективная и когнитивная жизнь являются, таким образом, неразделимыми, оставаясь в то же время различными. Они неразделимы... но от этого они не становятся менее различными между собой, поскольку эти два аспекта поведения никак не могут быть сведены друг к другу» (Пиаже Ж. Психология интеллекта // Избранные психологические

структуре человеческого духа. Однако эта идея никогда не отливалась в целостную и последовательную концепцию, она не заняла сколько-нибудь заметного места в методологическом арсенале «наук о духе»²; здесь изначально утвердился (и продолжает доминировать) односторонний редукционистский подход, выражающийся в использовании когнитивных категорий и схем в качестве *универсальных* (и адекватных своему предмету) инструментов описания и объяснения «духовной жизни» – во всех ее бесчисленных проявлениях, включая некогнитивные феномены. Этот подход нельзя считать следствием осознанного принятия *онтологического* постулата – «все духовное есть познавательное», здесь имеет место скорее стихийная *методологическая* установка, своеобразная «презумпция когнитивности» всего, что принадлежит духу; понятие «непознавательного», спорадически всплывающее (в разных словесных облачениях) в философских размышлениях о духе, интуитивно отторгается как нечто искусственное и маргинальное. В соответствии с этой установкой всякая духовная активность субъекта определяется как «познание»; идеальные продукты этой активности – как «знания»; внешне-предметные действия и их обьективированные результаты – как реализация и опредмечивание знаний. Другими словами, весь широкий спектр *каузальных взаимодействий* между человеческим духом и внешним миром сужается до одного только *познавательного отношения*, для описания которого используется словарь эпистемологии: образ, понятие, мышление, эмпирия, теория, истина и т.д. Такой подход представляется его носителям совершенно «естественным» и само собою разумеющимся; он образует общую концептуальную схему, универсальную *парадигму*, в рамках которой вербализуется и обсуждается едва ли не вся проблематика наук о духе. Во всей классической философии, несмотря на допущение множества «модусов» духовной «субстанции», сама эта субстанция почти неизменно отождествлялась с так или иначе обозначенным «знанием» (или «мышлением» как познавательной способностью).

Указанная редукционистская интерпретация духовных феноменов, несмотря на ее широчайшую распространенность и многовековую историю (а может быть, как раз в силу этих обстоятельств), до недавнего времени не была с достаточной определенностью идентифицирована в философии и науке в качестве особой мировоззренческой и методологической позиции и, соответственно, не имела собственного имени. Впервые эта позиция – правда, пока лишь в одном из частных ее ответвлений – была зафиксирована, описана и подвергнута критике в 20-е – 30-е гг. XX в. философами-эмотивистами, представлявшими одно из течений аналитической этики, или метаэтики³.

труды: Пер. с англ. и фр. / Вступ. статья В.А.Лекторского, В.Н.Садовского, Э.Г.Юдина. – М.: Международная педагогическая академия, 1994. С.58).

² Под «науками о духе» в данном контексте понимаются не только гуманитарные дисциплины, для обозначения которых (с целью отличить их от «наук о природе») как раз и был в свое время введен неокантианцами соответствующий немецкий термин – “*Geistwissenschaften*”, но также любые систематические – философские и научные – исследования, основным или сопутствующим объектом которых являются те или иные формы и проявления «духа» (сознания, психики, ментального и т.п.). Если принять предложенное словоупотребление, то область «наук о духе» многократно расширится, сюда войдут, помимо «чистой» гуманитарии (этики, эстетики, истории и пр.), ряд научных дисциплин – общая и социальная психология, нейрофизиология, социология, лингвистика и т.д., а также философия сознания, теория познания, философская антропология, аксиология и пр.

³ См.: Максимов Л.В. Очерк современной метаэтики // Вопросы философии. 1998, № 10.

Эмотивисты утверждали, что вся классическая философия морали ошибочно трактует моральные нормы и оценки как когнитивные суждения, могущие быть истинными или ложными, тогда как на самом деле моральные высказывания выполняют не репрезентативную, а исключительно экспрессивную функцию: они выражают эмоции говорящего и заражают ими других людей. Критикуемый эмотивистами подход позднее (с 40-х гг. XX в.) получил в метаэтической литературе название «когнитивизм»⁴, а его противники, отвергающие истинностный характер моральных высказываний, стали именовать себя «нонкогнитивистами».

В последующие десятилетия термин «когнитивизм» переключался в другие области знания, главным образом в те дисциплины, которые полностью или частично входят в исследовательский комплекс, называемый «когнитивной наукой». Там этот термин приобрел множество новых и зачастую далеких друг от друга значений, которые будут рассмотрены далее. Все эти значения, несмотря на кажущуюся несовместимость некоторых из них, прямо или опосредствованно связаны с обрисованным выше методологическим подходом, редуцирующим «духовное» к «познавательному», «ментальное» – к «когнитивному». Поэтому имя «когнитивизм» является, на мой взгляд, наиболее релевантным именно для этого общего, фундаментального подхода как такового, тогда как названия прочих концепций и методологических установок, за которыми закрепилось это же имя, нуждаются в уточняющих добавлениях, указывающих либо на исследовательский контекст, в котором производится когнитивная редукция, либо на характер идеальных объектов, подвергшихся такой редукции.

Так, можно разграничить когнитивизм *традиционный*, или классический, характерным признаком которого является использование исторически сложившихся *эпистемологических* концептов для описания любых феноменов психики, человеческой деятельности и социальных отношений (поскольку в них присутствует духовное начало), и когнитивизм *современный*, применяющий для тех же целей «кибернетический», теоретико-информационный подход и расширивший область изучаемых когнитивных феноменов за счет нейрофизиологических процессов и искусственного интеллекта. Внутри каждого из этих двух типов когнитивизма можно различить *психологический* (в некоторых контекстах – *психофизиологический*) когнитивизм, интерпретирующий указанным редуционистским способом лишь структуру и механизмы человеческой психики, и *ценностный* когнитивизм, осуществляющий подобную же редукцию в отношении социально-значимой деятельности и ее регулятивов – ценностных ориентаций (целей, интересов, идеалов и пр.). Психологический когнитивизм можно выделить в особый вид также и на том основании, что он характерен для психологии как научной дисциплины; соответственно, по дисциплинарному признаку могут быть идентифицированы и другие виды когнитивизма – *социологический*, *лингвистический*, *религиоведческий*, *педагогический*, *этический*, *эстетический*, *литературоведческий* и т.д. Особняком стоит здесь когнитивизм *когнитивной науки* – во-первых, в силу ее междисциплинарного статуса и, следовательно, пересечения ее с другими дисциплинами, находящимися в сфере влияния когнитивистской парадигмы; во-вторых, из-за отмеченной уже многозначности самого термина «когнитивизм», укоренившегося в языке этой науки.

⁴ См.: Cognitivism and noncognitivism // International Encyclopedia of Ethics / Ed. John K. Roth. London; Chicago. 1995.

Можно провести некоторую параллель между *когнитивизмом в науках о духе* и *механицизмом в науках о природе*. В основе обоих этих подходов, отчетливо обозначившихся в философии и науке Нового времени, лежало естественное стремление исследователей строить по возможности простые и наглядные модели изучаемых объектов, минимизировать и унифицировать понятийный инструментарий, свести его к некоторому ограниченному и фиксированному набору категорий: в одном случае – категорий классической механики, в другом – теории познания. Развитие естествознания со временем показало ошибочность или, вернее, ограниченность сферы приложения механистической методологии: как выяснилось, далеко не все природные феномены могут быть адекватно представлены в понятиях механики, для их описания и объяснения требуется принципиально иная система представлений, ибо «материальное» не редуцируемо исключительно к «механическому». Что же касается когнитивизма, т.е. редукции «духовного» к «когнитивному», то его методологическая ущербность пока еще нуждается в доказательстве, она не проявила себя с такой же очевидностью, как в случае механицизма, – главным образом потому, скорее всего, что критерии познавательной эффективности/неэффективности того или иного подхода в сфере наук о духе не столь строги, как в науках о природе. Поэтому когнитивизм – вместе с базирующимися на нем исследовательскими и практическими стратегиями – сохраняет свое господствующее положение (не декларированное, но вполне реальное) в философии сознания, науковедении, гуманитарных дисциплинах, а также в духовно-формирующей деятельности – воспитательной, пропагандистской, проповеднической и т.п. Противостоящий этому подходу нонкогнитивизм, причем исключительно в его (упомянутой выше) *метаэтической* версии, известен лишь узкому кругу специалистов, далеко не все из которых являются к тому же его приверженцами. Действительная методологическая значимость нонкогнитивизма как антиредукционистского принципа наук о духе может быть оценена только после выяснения места и роли когнитивизма в этой области исследований.

Далее речь пойдет о психологической и ценностной модификациях когнитивизма, а также о способах реализации этого подхода в когнитивной науке. Ограничительные рамки статьи позволяют представить эти формы когнитивизма лишь в самом сжатом виде.

2. Психологический когнитивизм

Когнитивистское истолкование психических процессов и явлений (включая и такие спорные в отношении их когнитивного статуса феномены, как эмоция, воля и др.) – это господствующая тенденция не только психологической науки, но и обыденной рефлексии, и многих философских концепций, так или иначе затрагивающих вопрос о структуре и механизмах психики.

Внешне указанная тенденция выражается в том, например, что традиционные когнитивные термины *сознание*, *мышление*, *разум* в ряде контекстов выступают как полные синонимы *духа*, *психики* в целом, сохраняя при этом свой специфически-когнитивный смысл (подобные же бифункциональные слова имеются и в других языках; например, в английском – *mind*, *mental*, в немецком – *Geist*, *Gemüt*, и др.). В обыденном и философском языке когнитивизм подпитывается, подкрепляется также употреблением пришедших из прошлых эпох синкретических слов и выражений, обозначающих в

равной мере как когнитивные, так и некогнитивные (аффективно-конативные) реалии психики. Такой синкретизм характерен для значительной части исторически сложившегося лексикона «феноменологии духа» (философии сознания и научной психологии), используемого для описания различных форм и проявлений душевной жизни. Например, слово *чувство* применяется для обозначения как *перцепции*, *представления*, *ощущения* (т.е. когнитивных феноменов), так и *эмоции*, *аффекта*, *переживания* (т.е. некогнитивных реалий)⁵. Соотносительный с чувствами *разум* понимается столь же двойственно: и как особая *познавательная* способность, и как *побудитель* к действию. Подобная размытость, амбивалентность ключевых терминов препятствует концептуализации некогнитивного, приводит к растворению его в когнитивном и – как следствие – к массивированному (и не всегда оправданному) внедрению в психологию эпистемологических понятий и подходов.

Конкретные формы психологического когнитивизма зависят от того, какие именно теоретико-познавательные идеи используются для объяснения психических процессов. Если познание понимается как репрезентация мира в сознании человека, то когнитивистский подход к психике выражается соответственно в трактовке всякого психического феномена как особого вида или способа идеального воспроизведения некоторого объекта, причем такое воспроизведение может быть «истинным» или «ложным». Так, когнитивистский крен отечественной психологии советского (да и постсоветского тоже) периода явился результатом безоговорочного принятия «теории отражения» в качестве мировоззренческого и методологического базиса психологического исследования. Практически все дефиниции психики и ее элементов, приводимые в изданных в этот период научных трудах, словарях и учебниках, так или иначе отдавали дань этой теории; само понятие психики определялось, как правило, через «отражение» (нередко, впрочем, с корректирующим добавлением – «активное отражение»). Инерция такого подхода оказалась весьма значительной, он до сих пор сохраняет влияние в психологии⁶. Философская критика теории отражения как ошибочной или ущербной в определенных отношениях *эпистемологической* концепции мало сказывается на ее функционировании в качестве одной из основ психологического когнитивизма. Поэтому в контексте проблемы, рассматриваемой в настоящей статье, вопрос о дефектах теории отражения можно оставить в стороне: речь здесь идет об ошибочности не самой этой теории, а ее применения (в качестве объяснительной

⁵ Так, Юм относил «акты видения и слышания» вместе с «любовью и ненавистью» к одному классу психических явлений – перцепциям (см.: Юм Д. Трактат о человеческой природе. М.: Канон, 1995. Т.2. С.215-216); Фреге подводил эмоции, настроения, склонности, желания вместе с воображением и ощущениями под общее понятие «Vorstellung», т.е. «представление» (см.: Фреге Г. Мысль: логическое исследование // Логические исследования. Томск: Водолей, 1997. С.34).

⁶ Вот некоторые типичные определения психики в отечественной литературе последних двух десятилетий: психика – «свойство высокоорганизованной материи, являющееся особой формой отражения субъектом объективной реальности» (Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С.547); «Психика есть отражение (познание) внешнего мира и сама познаваема, как и другие явления» (Тихомиров О.К. Психология мышления. М.: Изд. МГУ, 1984. С.6); психика – «форма активного отображения субъектом объективной реальности...» (Психологический словарь / Под ред. В.П.Зинченко, Б.Г.Мещерякова. М.: Педагогика-Пресс, 1996. С.291); психика – «это отражение объективного мира в его связях и отношениях» (Столяренко Л.Д. Основы психологии. Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. С.16), и т.п.

модели) к тем идеальным объектам, которые в принципе не поддаются эпистемологической редукции.

В философии и психологии XIX – XX вв. широкое распространение получил особый вид когнитивизма, связанный с *интенционалистской* трактовкой сознания. Термин «интенция» (лат. *intentio* – стремление) как обозначение особого философского понятия широко употреблялся еще в средневековой схоластике (в частности, Фомой Аквинским) и был возрожден в философии сознания новейшего времени – в трудах Brentano, Husserl и многих их последователей. Эти философы под «интенцией» понимали способность сознания *быть направленным* на предметы, *придавать смысл* предметам, формировать осмысленную картину мира, т.е. интенция ассоциировалась с особым рода *познавательной* активностью, «конструктивностью» сознания. А поскольку сознание при этом традиционно отождествлялось с человеческой психикой в целом, то все психические феномены были фактически истолкованы как интенционально-познавательные; в эту единую категорию попадали не только ощущение, восприятие, суждение и другие безусловно когнитивные реалии, но и желания, эмоции, мотивы, цели и пр. – на том общем для всех них основании, что они «направлены» на тот или иной предмет и включают в себя «образ» этого предмета.

Всякий психический феномен, писал Ф. Brentano, характеризуется «отношением к содержанию, направленностью на объект... или имманентной предметностью». «В представлении нечто представляется, в суждении нечто утверждается или отрицается, в любви – любит, в ненависти – ненавидится и т.д. Это интенциональное существование свойственно исключительно психическим феноменам... Тем самым мы можем дать дефиницию психическим феноменам, сказав, что это такие феномены, которые интенционально содержат в себе какой-либо предмет»⁷. Получается так, что специфику каждого психического феномена составляет только заключенное в нем особое предметное содержание, «направленность» же сама по себе одинакова для всех феноменов. К тому же природа этой «направленности» как таковой (т.е. взятой в отвлечении от ее «предмета») остается не проясненной, само это слово употребляется феноменологами как только поясняющее, но не поясняемое, за ним сохраняется лишь некая смутная «пространственно-векторная» ассоциация. Поэтому и в понятии интенции эта составляющая не акцентирована, на первый план выходит «предметность» интенции, – т.е., по существу, ее когнитивное содержание. Из-за этого интенциональность вообще ошибочно отождествляется с когнитивностью, и такие явно некогнитивные феномены, как аффекты, переживания, эмоции и др., квалифицируются как «когнитивные» только потому, что они направлены на *что-то*, сама же *направленность* понимается как нечто побочное, не выражающее сущности этих феноменов. Но если обратить внимание на характер этой направленности, нетрудно заметить принципиальное различие между когнитивными и некогнитивными психическими феноменами: ведь одно дело – *репрезентировать* предмет в представлениях и мыслях, и другое – *любить, желать* и т.д. этот предмет. Конечно, любимый (или ненавидимый) предмет должен быть *представлен* в сознании, однако эта представленность является лишь *условием* заинтересованного отношения к предмету, а не самим этим «отношением».

⁷ Brentano Ф. Психология с эмпирической точки зрения // Избранные работы. Пер. с нем. М.: ДИК, 1996. С.33-34.

Переживания, аффекты и пр. – это особые психические состояния, несводимые к своему предметному содержанию, они суть проявления внутренней жизни субъекта–индивида, и для описания их «направленности» на объект более всего подходят такие термины, как «активность», «напряженность», «энергия», «самовыражение» и т.п. Когнитивные же реалии психики (перцепции, образы, мысли и пр.) суть представительства во внутреннем мире мира внешнего – либо реально сущего, либо воображаемого, желаемого и т.п.; их «направленность» описывается в абстрактных терминах «соотнесения» с внешним объектом, например: «тождество», «соответствие», «адекватность», «осуществимость» и др. (Разумеется, и познание как особый процесс есть проявление активности духа, однако в данном случае речь идет не о познавательном процессе, а о его *результатах* – знаниях и вообще о «когнициях», т.е. идеальных моделях сущего).

Поскольку в феноменологических теориях «имманентная предметность», или «интенциональный объект», признается сущностным признаком психического вообще или, по крайней мере, многих реалий психики (включая ценностные акты), и поскольку этот интенциональный объект в любом случае понимается как когнитивный феномен (даже если его содержание есть плод фантазии или заблуждения), имеются все основания квалифицировать эти теории как когнитивистские. Этот когнитивизм становится еще более очевидным, когда на основе указанных психологических концепций строятся теории, описывающие и объясняющие ценностное сознание. Примером подобных построений может служить разработанная Brentano теория морали, в которой феномен нравственности непосредственно отождествляется с «нравственным *познанием*» (*die sittliche Erkenntnis*)⁸.

Феноменологический когнитивизм порожден той же традиционной редуccionистской методологией, что и другие формы когнитивизма, а именно – стремлением представить всякий духовный феномен как ту или иную форму «знания». Даже явное отличие эмотивно-оценочных актов от «простых» познавательных, зафиксированное Э.Гуссерлем, не побудило его признать эмоции и оценки *непознавательными* феноменами: подспудно принятая и направляющая ход его мысли когнитивистская методология заставила его искать и конструировать особые – «не представимые попросту» – предметности, которые могли бы быть «схвачены» (т.е. познаны) посредством указанных духовных актов. Если мы «радуемся» некоторому предмету или «любим» его, то в нем, согласно когнитивистскому принципу, должно быть предположено наличие «радостного» и «любимого» как предметностей особого рода⁹. Правда, философская феноменология, в отличие от наивного реализма, не приписывает подобным «предметностям» вещного существования, а рассматривает их как конструкторы «опредмечивающего» интенционального сознания или же выстраивает особую онтологию идеально-объективных ценностей, постигаемых посредством «чувств» – эмоций, переживаний (М.Шелер, Н.Гартман). Трактовка эмоций как *знаний о ценностях* или как некоего *ценностного знания* характерна вообще для философско-психологических построений, идущих в русле феноменологии, философии жизни и экзистенциализма. Когда Сартр, например, определяет эмоцию как «некоторый способ

⁸ См.: Brentano Ф. О происхождении нравственного познания / Пер. с нем. СПб: Алетейя, 2000.

⁹ См.: Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т.1 / Пер. с нем. М.: ДИК, 1999. С.82.

познания мира»¹⁰, он фактически имеет в виду познание значимых для человека (и в этом смысле «ценных») явлений и событий; при этом Сартр, как и многие другие философы, толкует *знание* столь расширительно, что под это понятие подпадают не только *сенситивные и понятийные модели* мира, но и *переживания по поводу* происходящего в мире.

Сходные идеи выдвигались и в отечественной философии и психологии. Эмоции «отражают в форме непосредственного переживания значимость (смысл) явлений и ситуаций, состояний организма и внешних воздействий...»¹¹ – такое понимание природы этих психических феноменов в 50-е – 80-е гг. XX в. было фактически общепринятым в работах советских философов и психологов. Некоторые нюансы в эту концепцию вносит «информационная теория эмоций» (П.В.Симонов, 1964), согласно которой рассматриваемый феномен каузально связан с информацией о возможности удовлетворения той или иной потребности. Следует, правда, заметить, что подобные «информационные» трактовки эмоций только внешне похожи на когнитивистские (теоретико-отражательные и феноменологические), по существу же они таковыми не являются: речь здесь идет лишь о том, что эмоция *возникает в результате знания* о чем-то, она представляет собой особую психическую *реакцию* на значимую для человека «информацию», но сама по себе вовсе не является познавательной репрезентацией чего бы то ни было.

Многие современные западные теории эмоций сами аттестуют себя как «когнитивистские» либо же получают это определение от своих оппонентов. Автор одного из обзоров этих теорий, Дж. Дэй, утверждает, что «когнитивизм ныне доминирует в философии эмоций. Его господство в этой области созвучно господству когнитивизма в философии сознания (mind) вообще»¹². Действительно ли так обстоит дело – ответ на этот вопрос зависит от того, что именно понимается в данном случае под «когнитивизмом». В работах, на которые ссылается Дж. Дэй, «когнитивистами» называют: тех, кто признает сам факт присутствия в эмоции (или в других сложных психических феноменах) когнитивного элемента наряду с аффективным; тех, кто считает эту когнитивную составляющую «приоритетной» в том или ином смысле; тех, кто рассматривает эмоции как функцию когнитивных процессов¹³; и также тех, кто описывает психические и нейрофизиологические механизмы эмоций (как и других феноменов «духа») в понятиях теории информации. Такой «когнитивизм», несомненно, связан с рассматриваемым в нашей статье редукционистским принципом, частично пересекается с ним. Поскольку, как уже упоминалось выше, термин «когнитивизм» в различных значениях – включая и названные здесь – широко употребляется в языке современной когнитивной науки (прежде всего – когнитивной психологии как составной части этой науки), попытаемся выяснить, проникает ли в эту исследовательскую область вместе с частными «когнитивизмами» также и *универсальный* когнитивистский редукционизм.

¹⁰ Сартр Ж.-П. Очерк теории эмоций. В кн.: Психология эмоций. Тексты. М.: МГУ, 1993. С.137.

¹¹ Эмоции // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С.795.

¹² Deigh J. Cognitivism in the Theory of Emotions // Ethics. An International Journal of Social, Political, and Legal Philosophy. V.104 (1994). P.824.

¹³ См. об этом: Изард К.Э. Психология эмоций /Перев. с англ. СПб.: Питер, 2000. С.50-52.

3. «Когнитивизм» когнитивной науки

Когнитивная наука (или, в другой версии, когнитивные науки) в разных литературных источниках получает несколько разные определения, хотя всякий раз речь идет о комплексном междисциплинарном *исследовании познания, познавательных процессов с помощью теоретико-информационных моделей*¹⁴; при этом предполагается, что отдельные дисциплины, входящие в указанный комплекс, исследуют – в собственном специфическом ракурсе – отдельные стороны познания, части, уровни познавательного процесса, его биологические и социальные механизмы. Когнитивная наука, таким образом, выясняет место и роль информационных процессов в различных (нейрофизиологических, психологических, языковых, межличностно-коммуникационных и пр.) проявлениях человеческого духа, стремясь тем самым объяснить природу этих феноменов, закономерности их функционирования и развития, и открыть возможности практического воздействия на них. Правомерность и плодотворность такого направления исследований вряд ли может быть оспорена, на этом пути уже получено (и, вероятно, предстоит еще получить) много нетривиальных теоретических и практически значимых результатов.

Вместе с тем когнитивная наука имеет и своих оппонентов, которые ставят под вопрос ценность ее достижений на том основании, что она в своих исследованиях отправляется от некоторых ошибочных, по их мнению, методологических установок. Речь идет, в частности, о когнитивистском редукционизме, т.е. о неправомерном истолковании всей человеческой ментальности в категориях познания. В когнитивной науке этот старинный методологический уклон получает теоретико-информационное обоснование и подкрепление.

Общая логика движения редукционистской мысли в когнитивной науке выглядит примерно так. Информационно-вычислительные модели были представлены в качестве универсального инструмента для адекватного и исчерпывающего описания познавательных процессов; т.е. формула, выражаемая словами «получение и переработка информации» (или какой-либо расширенный ее вариант), стала рассматриваться как современный, более точный аналог традиционного «познания». А поскольку язык теории информации пригоден для моделирования по сути любых живых и технических систем и уж несомненно нейробиологических механизмов человеческого познания, а также других ментальных феноменов, которые лишь косвенно связаны с познанием (во всяком случае, сами по себе не являются познанием), когнитивная наука фактически приписала этим «другим» феноменам и процессам «познавательный» характер – на том именно основании, что они могут быть интерпретированы – в духе «компьютерной метафоры» – как «переработка информации», или «вычисление» (*computation*)¹⁵.

¹⁴ См., напр.: Меркулов И.П. Когнитивная наука // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2001. Т. II. С.264; Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Когнитивные науки: от познания к действию. М:КомКнига,2005.

¹⁵ Примером далеко идущей редукционистской позиции указанного типа может служить следующее программное положение известных представителей когнитивной науки, Х.Матураны и Ф.Варелы: «Живые системы являются когнитивными системами, а процесс жизни является процессом познания». –

Как отмечает В.А.Лекторский, «с точки зрения современной когнитивной психологии именно познавательные процессы лежат в основе всех психических процессов»¹⁶. Это значит, что когнитивную психологию интересуют не *психические механизмы познания* как такового (в его обычном, традиционном понимании), а *познавательные (когнитивные, «информационные») механизмы психики* в целом. Подобная же редукция ментального к познавательному (понятому как «информационно-перерабатывающее») характерна вообще для всех дисциплин, составляющих когнитивную науку. Это связано, на мой взгляд, именно с тем, что «ведущей методологией когнитивных наук является информационный подход, рассматривающий человека и его взаимодействие с миром с точки зрения соответствующих информационных процессов – процессов приобретения, преобразования, репрезентирования, хранения и воспроизведения информации и их влияния на поведение человека»¹⁷.

В статье В.З.Демьянкова «Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода» (Вопросы языкознания, 1994. № 4) приведена сводка встречающихся в западной литературе «типовых замечаний» в адрес когнитивной науки. Эти критические замечания прямо или косвенно направлены против подмены «познавательного» – «информационным» и против редукции «ментального» – к «информационно-познавательному». Вот некоторые выдержки из указанной сводки:

«Уход от проблем «значения» к «информации», от «создания» значения – к обработке информации – дань моде, технократизму, т.е. огрубление, жертва человеческим для облегчения технической реализации модели. На деле же значение и информация – совершенно разные вещи... Для системы обработки информации безразлично, обрабатывается ли сонет Шекспира или матрица чисел. Важно лишь, чтобы сообщение было информативным, т.е. контрастировало на фоне альтернативного выбора знаков, укладывалось в составленный заранее код».

«Нельзя сводить человеческое к чистой информации, поскольку важнейшей чертой человеческого интеллекта является воля. Интеллект – это когниция плюс воля (плюс еще что-то). Ограничиваясь манипулированием символами, когнитивная наука оставляет интенциональность за бортом».

«Синтактика символов, которой когнитивисты чаще всего ограничиваются, не может адекватно отразить ментальность человека: люди мыслят семантическими сущностями»¹⁸.

Следует заметить, что термин «когнитивное» (cognitive), *этимологически* равнозначный «познавательному» (knowing, studying, investigative, research), имеет в когнитивной науке очень широкий диапазон значений: помимо собственно «познавательного», он может специально обозначать и «информационно-вычислительное», и «рациональное», и «индивидуально-психологическое», «антропоцентрическое» (в противоположность социально-психологическому, социоцентрическому), и «субъективно-активное» (в противоположность «объективно детерминированному»), и «ментальное» вообще (в противоположность «поведенческому» и «телесному»).... Каждому из этих значений соответствует свое понятие «когнитивизма», имеющее хождение в пределах того или иного раздела

Цит. по: Р. Витакер. Обзор основных понятий теории автопоэзиса. /Перевод: Червоткин Р.В. (URL = <http://www.synergetic.ru/sections/autopoiesis/index.php?article=articles/basic>)

¹⁶ Лекторский В.А. Теория познания // Новая философская энциклопедия. Указ. изд. Т. IV. С.51.

¹⁷ Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Указ. соч. С.

¹⁸ Демьянков В.З. Указ. соч. С.20-21.

когнитивной науки¹⁹. Кроме того, слово «когнитивизм» иногда употребляется в собирательном значении – как синоним когнитивной науки в целом; но чаще всего оно служит для обозначения когнитивного или (что является для этой науки тем же самым) информационного подхода к трактовке и исследованию человеческого духа или отдельных его компонентов.

Когнитивизм, понятый как определяющий исследовательский подход когнитивной науки, сам по себе не тождествен когнитивизму как ошибочному редукционистскому принципу, однако исследователи, работающие в этой области, как правило, не замечают границы между тем и другим «когнитивизмами» и легко ее переступают. Это объясняется тем, что в арсенале когнитивной науки нет методологического положения, формулирующего условия применимости когнитивного подхода. Ментальное, как неявно предполагается, не содержит в себе ничего «некогнитивного» (этот последний термин вообще отсутствует в словаре когнитивной науки), поэтому когнитивный подход к исследованию человеческого духа не имеет заранее заданных принципиальных ограничений. Такая установка, имплицитно принятая когнитивной наукой, как раз и представляет собою частное проявление универсальной когнитивистской парадигмы.

Историю постепенного вытеснения и замены термина «ментальное» термином «когнитивное» в процессе становления когнитивной науки детально проследил и описал канадский психолог К.Грин²⁰. Он показал, что за этой терминологической метаморфозой скрывается серьезная концептуальная ошибка – редукция духовного к познавательному. «Лишь немногие психологи знают философскую историю термина «когнитивный» и потому часто используют его как полный синоним *психического* или *ментального*». Первоначально слово «когнитивное» в качестве специального термина появилось в философских теориях этики и затем «перешло через логико-позитивистскую философию науки 30 – 40-х гг. [XX в.] в психологию 50 – 60-х гг. С этого момента данная история становится более запутанной». Дело в том, что в первоначальном «строгом», как пишет Грин, смысле когнитивное служило характеристикой тех ментальных феноменов, которые в принципе поддаются проверке на истину – ложь, т.е. феноменов *познавательных*; поэтому, «применяя термин «когнитивный» к проблемам сознания, философы специально намеревались разделить ментальное на две категории: «когнитивную», к которой методы логики и компьютерной науки могли бы быть успешно применены, и другую, к которой эти методы неприменимы. Таким образом, под «когнитивным» его философские сторонники никогда не подразумевали чего-то

¹⁹ Вот несколько примеров подобного употребления рассматриваемого термина: Когнитивизм – это «общая доктрина о том, что поведение (behavior) может быть объяснено путем его отнесения к когнитивным или ментальным состояниям» (Woolgar, S. *Reconstructing man and machine: A note on sociological critiques of cognitivism // The Social Construction of Technological Systems*. Cambridge MA: MIT Press, 1987. P.313); «Когнитивизм есть рационализм плюс компьютер в качестве модели того, как в действительности работает эта рационалистическая трактовка сознания (mind)» (Dreyfus, H. *The Socratic and Platonic Basis of Cognitivism. AI [Artificial Intelligence] & Society*, 1988, 2. P.100); «Когнитивизм рассматривает человека как символперерабатывающую систему, существенные черты поведения которой могут быть точно смоделированы путем абстрактных формализмов, реализуемых через компьютерные операциональные модели, логические модели, квантитативные модели и формальные грамматики» (Whitaker, R. *Objectivism, Reductionism, and Cognitivism*. 1996. – URL = <http://www.informatik.umu.se/~rwhit/ObjRedCog.html>).

²⁰ Green C.D. Where Did the Word "Cognitive" Come From Anyway? // *Canadian Psychology*, 1996. № 37.

синонимичного «ментальному», и, следовательно, многое из того, что сейчас в психологии (и когнитивной науке вообще. – Л.М.) идет под именем «когниции», не является в действительности «когнитивным» в строгом смысле слова... Получилось так, что «когнитивными» стали именоваться и те части когнитивной психологии, которые не являются когнитивными в строгом смысле слова и которые показали себя менее всего поддающимися строго научному исследованию... Другими словами, разделение, которое произвели философы путем применения термина «когнитивное» к проблемам сознания, является весьма важным, и [когнитивные] психологи игнорируют его на свой собственный риск»²¹.

Чем же «рискует» когнитивная наука, растворяя ментальное в когнитивном? Прежде всего, на мой взгляд, целостностью и специфичностью собственного предмета и метода исследования, поскольку в научный оборот вовлекаются (и получают неверное объяснение) такие феномены, к которым в действительности неприменим когнитивный подход. Менталистский когнитивизм препятствует, в частности, правильной постановке научно-прикладной проблемы, над которой работают теоретики «искусственного интеллекта». ИмPLICITно они ставят задачу моделировать человеческий «дух» («ментальное»), но поскольку «ментальное» они сводят к «когнитивному», то эксплицитно формулируют свою задачу как моделирование *интеллекта* (понимая под последним совокупность всех когнитивных процессов, происходящих в человеческом мозге). При этом упускается из виду некогнитивная составляющая «духа», а именно – «интенция», без которой «дух» перестает быть целеполагающим, стремящимся, желающим, вожделеющим и т.п., а мозг перестает быть *живым*, превращается в компьютер, мертвый аппарат по переработке – не «информации» даже, а – физических импульсов (ибо «информация» существует только для «живого», интенционального).

В более широком плане негативным следствием рассматриваемой методологической тенденции в когнитивной науке является то, что эта современная научная дисциплина фактически подкрепляет своим авторитетом ошибочную когнитивистскую парадигму, действующую и во многих других отраслях знания.

4. Ценностный когнитивизм

Ценностный когнитивизм – это позитивный ответ на вопрос, принадлежат ли ценности (ценностные позиции, идеалы, нормы, оценки и пр.) к разряду «знаний» и, соответственно, могут ли ценностные проблемы решаться по образцу познавательных. Этот вопрос должен быть четко отделен от другого, с которым его часто смешивают и который активно обсуждается в философской и науковедческой литературе последних десятилетий: каковы место и роль ценностей в познавательном процессе. Таким образом, говоря о ценностном когнитивизме, мы не будем выходить за пределы первого из указанных вопросов – относительно познавательной или непознавательной природы ценностей.

Одним из формальных признаков ценностного когнитивизма является истинностная квалификация ценностных предложений, т.е. применение слов «истина» и «ложь» к оценочным и (или) императивным высказываниям. Правда, говорить о действительно когнитивистской позиции можно только в том случае, если указанная

²¹ Ibid. P.31, 33-34, 35.

квалификация носит эпистемологический характер, т.е. если «истина» и «ложь» суть констатации определенного когнитивного статуса высказывания, а не особый способ выражения соответственно «одобрения» или «неодобрения» сказанного. Однако и в качестве эпистемологического понятия «истина» (как и «ложь») имеет разные значения, поскольку это понятие входит в концептуальный аппарат многих отличных друг от друга теоретико-познавательных систем. Эти различия сказываются и на когнитивистском истолковании ценностей: та или иная форма когнитивизма во многом зависит от принятой данным философом концепции истины. Если, например, философ, мыслящий в когнитивистской парадигме, принимает концепцию объективной истины, то он автоматически распространяет эту эпистемологическую концепцию и на ценности, т.е. полагает, что ценностные позиции могут быть объективно истинными или ложными. Если же по своим эпистемологическим воззрениям он является «скептиком» или «агностиком», то это выражается, соответственно, в его сомнении по поводу достижимости (или возможности обоснования) истины не только в сфере собственно знаний, но и в сфере ценностей²².

Следует, впрочем, заметить, что понятие истины (точнее, *объективной истины*) относится к числу ключевых лишь в *классической* философии познания; *неклассическая* эпистемология заменяет это традиционное понятие другими, например: «солидарность», «общепринятость» и т.п. Это не означает снятия самого критерия, разделяющего философские концепции на «когнитивистские» и «некогнитивистские»: подобно своим «классическим» предшественникам, «неклассические» философы в большинстве своем склоняются к когнитивизму, т.е. растворяют «ценности» в «знаниях». Однако эти построения вообще трудно поддаются идентификации в качестве тех или иных «точек зрения», с которыми можно было бы соглашаться или спорить, поэтому далее речь пойдет только о классической эпистемологии и ее проекциях на сферу ценностного сознания.

Мне представляется методически целесообразным использовать одну из сложившихся в теории познания классификационных схем – деление эпистемологических концепций на *корреспондентские* и *когерентные*, отличающиеся друг от друга разной трактовкой истины (в рамках общей для них классической парадигмы)²³. Согласно корреспондентской трактовке, истина есть *соответствие* мысли – действительности (частным случаем такого соответствия является *подобие, сходство*), когерентная же теория понимает истину как внутреннюю *согласованность, непротиворечивость* знаний. За этим расхождением стоят разные мировоззренческие позиции, а не просто разные употребления слова «истина». Будучи примененными к ценностному сознанию, корреспондентская и когерентная концепции порождают соответствующие формы когнитивизма.

²² Указанную «скептическую» трактовку ценностей нередко отождествляют с некогнитивизмом. Такое отождествление ошибочно; принципиальное различие между этими подходами состоит в том, что скептицизм, распространенный на сферу ценностей, рассматривает ценностные позиции как недоказанные или недоказуемые *знания* (познавательные суждения), тогда как некогнитивизм ставит ценности вообще *вне познавательного контекста*, считая невозможной их квалификацию не только в качестве «истинных», но и в качестве «ложных», «неточных» и пр.

²³ См.: Порус В.Н. Когерентная теория истины // Новая философская энциклопедия. Указ. изд. Т. II. С.264; он же. Корреспондентская теория истины // Там же. С.313-314.

Корреспондентская эпистемология всегда органично сочеталась с *реалистическим* мировоззрением, т.е. с признанием реального существования объектов, реферированных в истинном знании. Практически все «реалистические» картины мира, выработанные классической философской мыслью, несут на себе следы когнитивистской парадигмы. Философская пропедевтика новейшего времени, интерпретируя ход мысли Платона и средневековых «реалистов», обычно делает упор именно на том, что их онтология есть результат гипостазирования абстрактных понятий, не имеющих материального эквивалента. Но я хотел бы обратить здесь внимание еще и на другой момент: эти философы отталкивались в своих рассуждениях от понятий не просто *абстрактных*, но вместе с тем и *ценностных*, – таких как *благо, добро, прекрасное* и др.; последнее обстоятельство в еще большей степени затрудняет нахождение для них материально-предметного референта и стимулирует поиски объективного «прообраза» в умопостигаемом мире. Два мира – запредельный и посюсторонний, сопоставленные по признаку наличия или отсутствия в них объективных ценностей, получают соответствующие этому их статусу ценностные определения: *возвышенный – низменный, горный – дольный, совершенный (или идеальный) – несовершенный (или ущербный)* и т.п.

Таким образом, ценностные онтологии, ассоциируемые с именами Платона, Фомы Аквинского, М.Шелера, Н.О.Лосского и многих других, выросли из когнитивистско-корреспондентских посылок, принятых этими философами, т.е. из истолкования ценностных позиций как «знаний» (понятий, суждений и пр.) и трактовки «знаний» вообще как копий или моделей внешних объектов. По сути те же самые методологические посылки лежат в основании многих натуралистических теорий, признающих когнитивную природу ценностных позиций (установок, оценок) и соотносящих эти позиции с реалиями внешнего мира (на предмет соответствия или несоответствия им). Отличие же этих теорий от спекулятивно-трансценденталистских состоит в том, что они стремятся найти объективные аналоги субъективных ценностных позиций в «естественном», единственно реальном мире, не прибегая к супранатуралистским построениям.

Такой подход к ценностному сознанию сопряжен со значительными трудностями, проявляющимися, в частности, при попытке дать содержательную интерпретацию ценностным терминам и высказываниям, т.е. найти их предметные значения, указать их референты: подобные процедуры, успешно применяемые в сфере познания, оказываются неэффективными в приложении к ценностям. Поэтому когда многие философы-«натуралисты» и социологи утверждают, что политическая идеология, нормы права, моральные ценности и пр. суть «отражения» определенных природных или социальных реалий (среди которых могут фигурировать как «объективные ценности» – вроде *естественных прав и материальных интересов*, так и какие-либо внеценностные реалии – вроде *объективной необходимости и законов эволюции*), то при этом они фактически имеют в виду не *познавательное отражение*, а другие виды *каузальной зависимости* ценностных ориентаций от названных объективных факторов (реальных или воображаемых).

Когнитивистские концепции, базирующиеся на корреспондентской теории познания, подвергают эпистемологической редукции в основном те ценностные феномены духа, которые могут быть выражены в *дескриптивных* высказываниях, содержащих оценочные слова *добро – зло, хороший – плохой* и т.п. Такие высказывания синтаксически идентичны большинству *когнитивных* предложений (суждений) и потому

поддаются когнитивистской интерпретации легче, нежели высказывания *прескриптивные* – побудительные, императивные. Однако императивы занимают огромное место в ценностном – особенно моральном – сознании, и вполне естественно, что новоевропейский рационализм с его гносеологизаторской интенцией, проявляющейся, среди прочего, в стремлении построить научную систему морали, не мог оставить указанные формы ценностного сознания без соответствующей когнитивистской интерпретации. Поскольку корреспондентская эпистемология мало подходила для решения этой задачи (ибо сама форма императива не поощряет его интерпретаторов к поиску для него какого-либо внешнего «аналога», хотя бы и вообразяемого), рационалистическая этика обратилась к другой эпистемологической концепции – когерентной, которая не связывает истинность теоретических положений с их «соответствием» каким-либо внешним реалиям, а усматривает ее, как уже говорилось выше, во внутренней согласованности знания и вообще в его логических свойствах (истинность некоторого суждения может пониматься, например, как его «логическая необходимость»). Благодаря этой особенности когерентной эпистемологии ее схемы были использованы для когнитивистского истолкования прескриптивных моральных суждений, для доказательства «истинности» моральных принципов, выражающих не только одобрение или осуждение, но также и долженствование или запрет. Этот «когерентный когнитивизм», наиболее ярко представленный в философии Канта, позволяет избежать многих теоретических трудностей (с которыми, как мы видели, сталкивается когнитивизм корреспондентский), поднять статус нормативной этики в глазах рационально мыслящего сообщества, освободив ее (по крайней мере частично) от метафизических спекуляций и голой назидательности, выставив ее основоположения как вполне доказуемые истины разума. Все это, правда, говорит лишь о преимуществах данного подхода перед корреспондентским в рамках общей для них когнитивистской парадигмы, а вовсе не о методологических достоинствах самой этой парадигмы.

Кант не выдвигает, не формулирует и не обосновывает когнитивистской идеи, он ее непосредственно принимает и применяет в своих рассуждениях о нравственном законе и практическом разуме; подобно другим философам нового времени, он рассматривает мораль как особую форму знания и исследует ее именно в данном качестве. Когнитивизм для этих философов – не вывод из какой-либо системы рассуждений и не результат осмысления эмпирии, а нечто интуитивно несомненное, о чем не надо специально говорить. Внешне это выражается, главным образом, в использовании специальной теоретико-познавательной терминологии при описании и истолковании феноменов и основоположений морали, например: *a priori*, *a posteriori*, *эмпирия*, *понятие*, *истина*; *объективность* и *необходимость* суждений морали, их *категоричность* (в отличие от «*гипотетичности*») и пр. Своеобразие Кантовой этической концепции (в сравнении с другими, пребывающими в той же когнитивистской парадигме) обусловлено, прежде всего, особенностями его эпистемологии, влияние которой на его философию морали не подлежит сомнению.

Моральная философия Канта надолго определила не только способы решения, но и саму постановку фундаментальных проблем, относящихся к этой области: даже многие его оппоненты и антагонисты так или иначе отталкиваются от тех мыслительных схем, которые были выработаны в его этическом учении. К числу этих схем принадлежит и органичный для кантовской (и кантианской) этики ценностный когнитивизм, опирающийся на когерентную эпистемологию.

5. Когнитивизм в гуманитарных дисциплинах

До сих пор речь шла о различных формах концептуального когнитивизма, т.е. об особых методологических позициях, за которыми стоят (хотя не всегда явно) те или иные теоретические – философские или научные – представления и аргументы. Однако в гуманитарно-философской литературе когнитивизм сравнительно редко обнаруживает себя в виде какой-либо концепции или «точки зрения» (пусть даже и нечетко выраженной), обычно он вообще не является предметом экспликации и обсуждения, а просто практикуется, т.е. непосредственно вплетается в рассуждения теоретиков-гуманитариев, направляет ход их мысли, выполняет роль строительных лесов при построении различных теорий и учений (тематика которых может быть весьма далекой от тех проблем, решение которых разделяет философов на когнитивистов и некогнитивистов). Важнейший и специфический показатель действенного присутствия когнитивистской парадигмы – это своеобразный эклектицизм, неразличение и смешение двух контекстов гуманитарной мысли – ценностного (оценочно-нормативного) и познавательного (описательно-объяснительного). Указанное методологическое смешение (обычно не замечаемое самими мыслителями) имеет множество конкретных проявлений, часть которых будет рассмотрена далее.

Скрытый когнитивизм многих гуманитариев находит внешнее выражение прежде всего в осознании и истолковании ими собственной деятельности как всецело «познавательной». Сами выражения «гуманитарная мысль» и «гуманитарные дисциплины» обычно употребляются как синонимы «гуманитарного знания» (или «познания») и «гуманитарных наук». Подавляющему большинству философов все это представляется самоочевидным, спорным видится лишь вопрос о *качестве* или *специфике* гуманитарного (по)знания: может ли оно быть научным, и если да, то в чем отличие социально-гуманитарных наук от естественных. Иначе говоря, споры по поводу *научного* статуса гуманитарии ведутся большей частью на общем для полемизирующих сторон когнитивистском фундаменте: ведь даже многие из тех, кто отрицает *научность* гуманитарных дисциплин, обычно делают это не потому, что считают суждения этих дисциплин «внепознавательными», а потому, что, по их мнению, *гуманитарное знание* либо «не дотягивает» (по определенным эпистемологическим критериям) до уровня науки, либо – в силу своей специфики – образует особую, вполне самостоятельную область *вненаучного знания*. Те особенности «гуманитарного знания», из-за которых его отделяют от науки, усматриваются соответственно либо в его недостаточной точности (строгости, доказательности и т.п.), либо в наличии в нем ценностной составляющей.

Всю обширную проблематику, связанную с выяснением чисто эпистемологических различий между гуманитарным и естественнонаучным знанием, мы можем оставить в стороне; для нашей темы важен другой аспект рассматриваемой проблемы: отличие гуманитарных дисциплин от естественных наук по признаку ценностной «окрашенности» первых и «нейтральности» в том же отношении последних. Тот несомненный факт, что в большинстве гуманитарных текстов так или иначе выражаются «ценностные позиции» (т.е. содержатся оценки и призывы), получает разные истолкования. Для неопозитивистского науковедения констатация этого факта была достаточным основанием для «отлучения» гуманитарии от науки (исключение делалось лишь для немногих социально-гуманитарных дисциплин, в целом отвечающих

общенаучным критериям). Другая же науковедческая школа, основания которой были заложены неокантианцами (Виндельбандом, Риккертом и др.), узаконила «ценностную направленность» в качестве специфического признака гуманитарных наук («наук о духе», «наук о культуре»); представители гуманитарного науковедения говорили об особых методах этих наук: индивидуализирующе-ценностном, «идиографическом» (в противоположность «номотетическому», характерному для «наук о природе»), о методе «отнесения к ценностям», о «понимании» (в отличие от каузального «объяснения») и т.п.

Заслуга неокантианцев, М. Вебера и других философов, представлявших указанную методологическую линию, состоит в том, что они достаточно строго различили *оценку* и *факт* и применили это различие в качестве критерия, позволяющего специфицировать два типа духовной культуры. Однако в интерпретации этих философов эти разные рациональные процедуры – «вынесение оценки» и «констатация факта» – оказались, при всем их различии, двумя способами реализации одного и того же, а именно – познавательного, отношения человека к миру; т.е. действительная *непознавательная* специфика ценностного отношения оказалась невыявленной, а традиционная когнитивистская ошибка гуманитарно-философской мысли, соответственно, не преодоленной.

Главная трудность, с которой сталкиваются интерпретаторы гуманитарных дисциплин и которая препятствует выявлению и преодолению когнитивизма, состоит, на мой взгляд, в том, что эти формы и разделы гуманитарной мысли в своем исторически сложившемся виде не являются некими методологически однородными целостностями, они «конгломеративны», в них соединены ценности и знания: с одной стороны, они описывают и объясняют человеческий мир, с другой – провозглашают и защищают те или иные ценностные позиции, тем самым становясь частью этого описываемого и объясняемого человеческого мира. Правда, гуманитарная методология давно уже схватила эту особенность гуманитарных дисциплин, однако ошибочно трактует указанное структурное и функциональное многообразие как внешнее проявление единой сущности, в которой все эти элементы сплавлены и взаимопревращаемы. И когда философ задается вопросом, обладает ли такая-то гуманитарная дисциплина научным (или вообще познавательным) статусом, он неявно предполагает, что речь идет об этой дисциплине именно как об индивидуализируемом целом. А поскольку эта посылка неверна, заведомо неверным будет и любой категорический ответ на указанный вопрос.

Если бегло взглянуть на историю споров по поводу того, являются ли гуманитарные дисциплины «науками» (чаще всего в центре полемики оказывалась этика), то можно заметить, что любое, даже осторожно и со многими оговорками высказанное сомнение в научном статусе гуманитарии вызывало со стороны многих ее представителей болезненную реакцию, которую нельзя объяснить одним только теоретическим несогласием с подобными суждениями и стремлением защитить истину. За этим гуманитарным сциентизмом стоит и другой, совершенно очевидный фактор, он заключается в том, что наука на протяжении последних столетий стала в глазах большинства интеллектуалов парадигмой знания, его нормативным образцом²⁴; выражение «ненаучное знание» звучит фактически как «недонаучное» и, значит, «неполноценное» знание; поэтому понятно нежелание гуманитария примириться с подобной характеристикой своего творчества и его продуктов. Однако эта борьба за

²⁴ См.: Агацци Э. Моральное измерение науки и техники /Пер. с англ. М.: МФФ, 1998. С.10.

научный статус гуманитарных дисциплин имеет смысл лишь постольку, поскольку они, в соответствии с когнитивистской установкой, отнесены к сфере познания; если же исходить из нонкогнитивистской посылки о том, что оценки и нормы некогнитивны и что, следовательно, *нормативные* гуманитарные дисциплины вообще не являются формами знания, то их «ненаучность» (прямо вытекающая из их «некогнитивности») уже не будет восприниматься как некий недостаток: речь может идти только о взаимной специфике научно-познавательных и ценностно-нормативных разделов гуманитарии.

Смешение «теоретического» и «практического» контекстов, представление о том, будто «рассуждения о ценностях» могут каким-то образом непосредственно превращаться в «ценностные рассуждения», в ценностные ориентиры, оказало несомненное воздействие на педагогическую мысль: это представление послужило одним из главных оснований так называемого «просветительства», принципа «воспитывающего обучения», установки на «превращение знаний в убеждения» и т.п. Просветительская педагогика по сути принимает когнитивистскую идею о том что общественное сознание есть познание и что, следовательно, разные формы сознания – религия, мораль, право, наука и т.д. – отличаются друг от друга прежде всего когнитивными признаками: предметом и методами познания, уровнем проникновения в свой предмет, степенью доказательности и пр. При таком раскладе наука имеет несомненное преимущество перед прочими «формами познания», и потому овладение научными знаниями позволит вытеснить «ложное знание» (например, религию) и «поднять уровень» обыденного, опытного «знания» (например, морального). Отсюда напрямую вытекает та воспитательная интенция, которая обычно ассоциируется с просветительством: образование, получение знаний якобы всегда благотворно для личности, возвышает ее в ценностном смысле, делает людей лучше в нравственном отношении и т.д. При этом важно отметить, что благотворное влияние приписывается не только *гуманитарному* «знанию о ценностях», но и естественнонаучному знанию. Правда, сам механизм такого воздействия теоретиками просвещения не прослеживается сколько-нибудь отчетливо, им трудно спорить с теми, кто утверждает (опираясь, впрочем, на столь же неопределенные основания), будто образование вообще, как таковое, «портит» людей, делает их «хуже» в нравственном смысле. По сути в том же «просветительском» русле идет еще одна популярная в западной педагогике установка, согласно которой усилия воспитателя должны быть направлены на развитие мыслительных способностей воспитуемого, поскольку, мол, только с помощью собственного разума человек может постигнуть основополагающие моральные «истины»²⁵.

Явная, очевидная даже для неискушенного наблюдателя практическая неэффективность подобных советов, рекомендаций и «технологий», основанных на когнитивистских посылках, дает повод для сомнений в истинности этих посылок и побуждает к поиску альтернативной методологии. Когнитивизм и, соответственно, ценностно-познавательный эклектицизм в гуманитарии вполне может быть преодолен, если противопоставить ему не *негативистский* (характерный для многих аналитиков первой половины 20 в.), а *конструктивный* нонкогнитивизм, ориентированный на последовательное, кропотливое распутывание многочисленных теоретических

²⁵ См., напр.: Хэар Р. Как же решать моральные вопросы рационально? // Мораль и рациональность. М.: ИФРАН, 1995. С.21.

сплетений, парадоксов, алогизмов, порожденных когнитивистской ошибкой, на их экспликацию, выяснение скрытого в них действительного смысла, на переинтерпретацию старых проблем, нахождение для них новых, более адекватных и эффективных формул. Для философа, убежденного в ошибочности когнитивизма, проведение такой работы представляется необходимым предварительным условием осуществления каких-либо новых гуманитарно-философских проектов, ибо практически вся исторически сложившаяся гуманитарная проблематика, все концептуальные схемы гуманитарии выстроены на когнитивистском фундаменте.